

§4 ЧЕЛОВЕК И ТРУД

И.И. Царьков

«ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ» И ТРУД ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ).

Аннотация: *Статья посвящена исследованию сложившихся устойчивых представлений людей древних цивилизаций в области отношений к институту собственности, труда, обогащения и роли в этом процессе государства. Исследуются первоисточники авторы которых отмечают особый характер трудовой деятельности в древних цивилизациях, который можно назвать добывающим типом труда и связанным с этим условия приобретения и распределения материальных благ. Обращается внимание на то обстоятельство, что добывающий тип труда не создает условий зависимости материального благополучия индивидов от их собственных умений, навыков и физических затрат, что приводит к необходимости активного вмешательства государства в вопросах контроля собственности, распределения материальных благ и непосредственного участия в организации трудового процесса. Добывающий тип труда определяет особый способ зависимости между институтами политической власти и собственности полностью подчиняя второе первому.*

Ключевые слова: *Юриспруденция, Собственность, Труд, Богатство, Обмен, Право, Государство, Власть, Случайность, Необходимость*

Для человека древних цивилизаций (традиционных обществ) характерны представления о том, что есть такие изменения в жизни, которые не подвластны человеческому контролю, области, в которых человеческие усилия вообще не приносят никакого результата. К этим областям относились в первую очередь не явления природы, на которые человек традиционного общества пытался оказывать влияние, используя различные магические силы и жертвоприношения, а явления социальной жизни. К последним относились место человека в жизни, его общественное продвижение, богатство и отпущенное время жизни – все это подпадало под рубрику Судьбы и выходило за рамки человеческого контроля. Не в собственных силах человека перейти границу заранее определенную ему временем и местом рождения. Как вне человеческого контроля оказывается факт его рождения – человек не в силах что-либо изменить в событии своего рождения, так и не в силах он что-либо изменить в сфере своего базового социального статуса и самостоятельно перейти от не имеющего возможность движения к центру к имеющему. Как не в собственных силах человека определять его «место» рождения, так

и не от его сил и умений зависит его собственное материальное благополучие. Как бы интенсивно человек ни трудился, ему не гарантирован высокий материальный достаток. Эту странную ситуацию трудовой деятельности древних сообществ хорошо отразил Конфуций, сказав: «Если бы богатства можно было добиться, то ради этого я стал бы даже тем, кто держит плетень. Но раз его нельзя добиться, я буду делать то, что мне нравится»¹. Конфуций подметил некую закономерность трудового процесса древних обществ, в котором сам труд и мастерство человека не являлись источником материального благополучия, и последнее зависело от ряда независимых от человека обстоятельств. Счастливый случай, стечение обстоятельств, дарственная доброта других людей или их грубая оплошность – вот что в большей степени оказывало влияние на уровень материального благополучия человека и общества. Эти обстоятельства определяли особую роль государства в организации трудового процесса и накопления общественного блага.

¹ *Конфуций*. Лунь-юй / Конфуций. Уроки мудрости. – М. – Харьков, 1999. – С. 48.

Как отмечалось выше, правитель древних цивилизаций мог активно вмешиваться не только в сферу распределения и перераспределения материальных благ, но и в сферу организации трудового процесса – определять наиболее важные производственные отрасли хозяйства и создавать рабочие места. Особенностью «трудовой» функции государства являлось то, что хороший правитель и его подчиненные должны не только защитить свой народ, но и накормить его, как прямо об этом заявлял тот же Конфуций. Мысль Конфуция о политическом управлении постоянно вращается вокруг идеи государственной опеки над своим народом, поэтому на вопрос, что нужно сделать, когда в государстве много народа, Конфуций ответил: «Их надо сделать богатыми». А на вопрос, что еще нужно сделать, если народ богат, то он добавил: «Обучить их»². По степени важности государственных «дел» на первое место Конфуций ставит задачу завоевания народного доверия, на второе обеспечение народа продовольствием и только на третье его защиту от внешних врагов. Конфуций по этому поводу утверждает, что когда в государстве достаточно еды, оружия и народ доверяет правителю, и в трудные времена нужно чем-то пожертвовать, то «[Следует вначале] пожертвовать оружием», затем «[Следует] пожертвовать едой» и на первом месте у него остается то, что «народ без доверия не выстоит»³. Если без доверия народа к правителю и правителя к народу невозможно совместное существование, то без обеспечения народа продовольствием невозможно нормальное его существование – такова легитимационная логика Конфуция.

Общество в силу каких-то причин само по себе не в состоянии справиться с задачей своего собственного материального обеспечения, и к ее решению обязательно должно подключиться государство, и не в качестве простого помощника, а в качестве главного организатора трудового процесса.

Странный перевертыш – не общество кормит государя, а государь общество – можно объяснить, если учесть специфику трудовой деятельности традиционных обществ, а также отношение их к институту собственности и институту обмена продуктами труда.

Сегодня очевидно, что определенный тип трудовой деятельности непосредственным образом оказыва-

ет влияние на формирование сознания человека. Труд создает человека в том смысле, что как человек мыслит и оценивает, во многом зависит от его предметной области и способов трудовой деятельности. Еще Платон подметил, что если бы военным разрешили управлять государством и принимать законы, то «они сохранили бы войско на вечные времена»⁴. Военные, с точки зрения Платона, убеждены, что правильно, если общество будет жить по законам «военного» времени даже в мирное время. Также определенному «труженику» может быть очевидным, что именно от государя в большей степени зависит его материальное благополучие, а не от его личных умений и стараний.

Доминирующий в обществе тип трудовой деятельности древних цивилизаций накладывал свой отпечаток на все сферы социальной жизни, включая политическую, этот тип труда был добывающим. Факт, что первоначально человек начинал с того, что охотился, ловил рыбу, собирал то, что давала ему природа, то есть он добывал, а не производил. Главное – научиться добывать, стать удачным добытчиком, чтобы жить в достатке, и эта установка оказывала прямое воздействие на другие сферы социальной жизни.

На пути к достатку перед добытчиком всегда встает объект трудовой деятельности, и объект добычи одновременно выступает в качестве продукта труда. Добыть – это практически употребить, поэтому от добытчика требуется только одно – подчинить своей воле объект своего интереса, что и будет источником его достатка.

Объект добывающего труда не является пассивной «безжизненной» вещью, свойства которого использует человек в своих нуждах; объект добывающего труда выступает активным участником трудового процесса – он является стороной добывающего события. Как активные участники трудового события дикие звери и птицы в лесах и степях; рыба в реках и озерах, ягоды, грибы и другие «дары» природы не дожидаются охотника, рыболова, собирателя, они активно сопротивляются воле добытчика; они противостоят его целям, и даже ягоды и грибы могут «урываться» в траве и под листьями от глаз человека.

Охотник на охоте в большей степени рассчитывает не на свое мастерство охотника, а на удачу, на особое стечение обстоятельств, которые не зависят от его воли. Собираясь на охоту с надеждой прийти домой с добычей и накормить своих домочадцев, охотник не может быть уверен в своем успехе, даже у самого мет-

² Конфуций. Лунь-юй / Конфуций. Уроки мудрости. – М. – Харьков, 1999. – С. 83.

³ Конфуций. Лунь-юй / Классическое конфуцианство. Т. 1. – СПб., – М., 2000. – С. 154-155.

⁴ Платон. Государство // Соч.: В 4 т. Т. 4. – М., 1994. – С. 138.

кого стрелка птица может вдруг вспорхнуть и улететь из-под носа, или звери могут неожиданно мигрировать, и тогда охотник возвращается домой ни с чем.

Дикий зверь настолько активно сопротивляется воли добытчика, насколько активно проявляет свою волю сам охотник – зверь своего рода «равноправный» противник охотнику, к которому необходимо относиться с уважением, а в каких-то случаях даже с благоговением⁵. Дичь обладает «разумом» и душой и способна хитрить, изворачиваться, укрываться, и охотник вынужден отрабатывать свои добывающие технологии с учетом этих факторов. Но при любых обстоятельствах необходимым условием успеха на охоте является присутствие дичи в местах охоты. Таким образом, удача на охоте зависит не только от мастерства охотника, но и от поведения самих диких животных – их агрессивности и «хитрости», а может случиться и такое, что сам охотник становится добычей дикого зверя.

Добытчик вынужден разрабатывать «завоевательские» технологии. Охотник должен уметь незаметно подкрасться к животному; уметь застигнуть его врасплох или загнать в тупик. Эти добывающие («завоевательские») технологии говорят о том, что добытчик должен не упустить момента; он должен точно уловить, когда стрелять еще рано и когда уже поздно. В этот момент времени (мгновение) охотник должен использовать все свои физические и психические ресурсы, сконцентрировать все силы и только в максимальной концентрации сил и умений охотнику может выпасть удача; он может поймать перо жар-птицы.

Герою русских народных сказок Ивану-дураку всегда везет, он достигает того, что не могут достичь другие люди, и дело не в том, что русский народный эпос является апофеозом лени – ленивому всегда везет, а в том, что Иван-дурак добывает нужное абсолютно заслуженно с точки зрения добывающего типа

труда. Например, в сказке о коньке-горбуньке, только Ивану-дураку удалось выяснить, кто вытаптывает поля пшеницы, оседлать кобылицу-виновницу и за это получить в награду конька-горбунька. Все это Ивану-дураку удалось сделать только потому, что он сумел вовремя сосредоточиться, то есть сконцентрировать все свои силы и умения – ночью он грыз сухари, пил холодную воду и считал звезды, то есть делал все, чтобы не заснуть. Неудача же старших братьев Ивана-дурака постигла потому, что они заснули ночью, то есть не смогли сконцентрировать свое внимание и усилия в нужное время.

Даже средневековые арабские трактаты подтверждают мысль о необходимости человеку правильно поймать момент и воспользоваться удачно сложившимися обстоятельствами. «Ведь благосклонность случая, – пишет Ибн-ад-Дай в «Греческих заветах», – не закрепленная делом, похожа на дождевую воду...»⁶.

Успех сопутствует тому, кто вовремя сумел сконцентрировать свои силы, уловить момент действия и тогда уже, ни секунды не раздумывая, бросается с головой даже в омут, даже противкратно превосходящего противника. Это является пиком не только мастерства добытчика, но и военного искусства и искусства политика.

Все «кодексы» японских самураев пронизаны идеей о недопустимости и даже преступности упущения момента. Самурай не должен раздумывать – он должен решения принимать мгновенно, поскольку «в пределах одного вздоха, где нет места ошибке, проходит Путь»⁷. Путь самурая – это прямой путь, не допускающий промедления, поэтому главное – действовать сразу, а то «пока будешь раздумывать о том, что ты должен прикончить обидчика, время уйдет»⁸. Все «кодексы» самураев учат, что, когда наступает момент, нет времени для раздумий, и, если самурай «не разузнал все заранее и не принял решение, чаще всего его ждет бесславие»⁹.

Краткосрочная, сжатая в миг концентрация усилий, но не равномерное распределение сил на долгосрочную перспективу. Даже если добывающий тип говорит о необходимом опыте, о накоплении опыта, то

⁵ Э. Фромм, отмечая «характер» первобытного охотника, не связывает его агрессию к неким животными «садистскими побуждениями», напротив «...отношение охотников к убитым животным, – пишет автор «Анатомии человеческой деструктивности», – было сочувственным. и они испытывали чувство вины» – это во-первых. Во-вторых, «...мотивом для охоты первобытных людей было не желание убить, а желание учиться и совершенствовать свои умения и навыки, то есть саморазвитие человека», в-третьих, «...именно из охотничьей жизни человек унаследовал такие две модели поведения, как кооперация и распределение» / Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994. – С. 119-121.

⁶ Цит. по: *Игнатенко А.А.* Как жить и властвовать. – М., 1994. – С. 100.

⁷ *Ямамото Цунэтомо.* Сокрытое в листве / Кодекс бусидо. Хакагурэ. Сокрытое в листве. – М., 2008. – С. 33.

⁸ Там же. – С. 41.

⁹ Там же. – С. 42.

говорит об этом только лишь в перспективе подготовки к моменту жизни, сжатому в миг. «Обычно люди упускают момент, после чего начинают его искать, словно он может быть где-то еще. Похоже, что никто этого не замечает. Но, хорошенько уяснив это, следует накапливать опыт... Когда человек хорошо понимает, что такое жить настоящим моментом, количество его дел сократится»¹⁰, – пишет Ямамото Цунэтомо.

Концентрация усилий в нужный момент создает условия успеха и такую перспективу дальнейшей жизни, что, поймав жар-птицу или оседлав кобылицу, количество дел в будущем можно резко сократить, поскольку успех на охоте – это основание для отдыха и празднеств. Поймать, чтобы отдохнуть, поэтому, «чтобы легко сдвинуть небо и землю», не нужна точка опоры, а нужно «просто сконцентрироваться»¹¹, после чего наступает великий праздник как результат победы охотника над равным ему противником.

Хороший добытчик не изнуряет себя многочисленными тренировками и не занимается разъяснением подробностей своего мастерства ученику. Истинное поведение добытчика таково, что принцип любой эффективной деятельности должен открыться сразу и во всей своей полноте. Умеющий добывать не знает, ни почему, ни как он умеет что-то делать. Ему известно только, что он преуспевает и преуспевает всегда, когда всем своим существом стремится преуспеть. Добытчик преуспевает, если только сумеет в нужное время и в нужном месте сконцентрировать и объединить все свои стремления и все свои ресурсы в целях достижения конкретного результата. Добытчику, чтобы подстрелить летящего кузнечика, достаточно не видеть во всей вселенной ничего, кроме кузнечика, и тогда в него невозможно будет промахнуться, даже будь он самым малым насекомым во вселенной. Добытчику не требуется задумываться о каких-то профессиональных навыках; добытчик становится преуспевающим, если совершает действия автоматически, бессознательно. Хороший мясник отрезает кусок мяса не глядя – и даже без ножа. Хороший кузнец кует не задумываясь – и не уставая.

Если ученик захотел бы стать хорошим лучником, то охотник-учитель мог бы посоветовать ему, например, не заниматься совершенствованием своих профессиональных навыков, а провести два года под ткацким станком, когда челнок чуть ли не касался его

глаз и сосредоточенно всматриваться в вошь, которая ползет по шелковой нити, и смотреть до тех пор, пока эта вошь не покажется крупнее ткацкого колеса, и тогда можно стрелой попасть ей в самое сердце.

В даосской книге «Чжуан-цзы» описывается следующая сюжет. Конфуций увидел горбуна, который ловил цикад так ловко, будто подбирал их с земли. «Неужели ты так искусен? Или у тебя есть Путь?» – спросил его Конфуций. «У меня есть Путь», – ответил горбун. «В пятую-шестую луну, – продолжил горбун, – когда наступает время охоты на цикад, я кладу на кончик своей палки шарик. Если я смогу положить друг на друга два шарика, я не упущу много цикад. Если мне удастся положить три шарика, я упущу одну из десяти, а если я смогу удержать пять шариков, то поймаю всех без труда. Я стою словно старый пень, руки держу, словно сухие ветки. И в целом огромном мире, среди всей тьмы вещей, меня занимают только крылатые цикады. Я не смотрю по сторонам и не променяю крылышки цикады на все богатства мира. Могу ли я не добиться желаемого?». Конфуций повернулся к ученикам и сказал: «Помысли собраны воедино, дух безмятежно покоен...»¹². Великая концентрация и сосредоточенность в нужное время на объекте своего желания кратно увеличивает шанс успеха, если же мыслить системно, размышляя над различными свойствами объекта, то наверняка удача отвернется от охотника.

Можно представить сосредоточенность и отрешенность от всей вселенной в трудовом процессе, когда человек, поливающий огород каждый раз спускается в колодец с глиняным кувшином. В даосской книге Чжуан-цзы описывается случай, в котором последователь даосизма пристыдил конфуцианца Цзы-Гуна. Последний, когда увидел человека, который вскапывал огород и поливал его, лазая в колодец с глиняным кувшином, и от его неутомимого труда работа шла очень медленно, спросил работающего, почему он не пользуется изобретенной машиной, которая «за один день поливает сотню грядок?» На что работающий с кувшином ответил, что «...тот, кто работает с машиной, сам все делает, как машина, у того, у кого все делает машина, сердце тоже становится машиной. А когда сердце становится, как машина, исчезает целомудрие и чистота. Если же нет целомудрия и чистоты, не будет и твердости духа. А тот, кто духом не тверд, не сбережет в себе

¹⁰ Там же. – С. 101.

¹¹ Там же. – С. 75.

¹² Чжуан-цзы. Ле-цзы. – М., 1995. – С. 175.

Путь»¹³. Поистине нужно отрешиться от всего, что могло бы отвлечь труженика от такого монотонного, но целеустремленного труда, который сохранит твердость духа и с необходимостью приведет к успеху. Цзы-Гуну нечего было ответить этому героическому труду; он ретировался, восхищенно сказав: «Раньше я думал, что в Поднебесной есть только один человек, а теперь узнал, что есть в ней еще один...»¹⁴.

Следует прислушаться к тексту из Чжун-цзы, в котором повар рассказывал о своем мастерстве царю Вэнь-хою.

«Повар Дин разделявал бычьи туши для царя Вэнь-хой. Взмахнет рукой, навалится плечом, подопрет коленом, притопнет ногой, и вот: вжик! бах! Сверкающий нож словно пляшет в воздухе – то в такт мелодии «Тутовая роща», то в ритме песен Цзиншоу.

– Прекрасно! – воскликнул царь Вэнь-хой. – Сколь высоко твое искусство, повар!

Отложив нож, повар Дин сказал в ответ: «Ваш слуга любит Путь, а он выше обыкновенного мастерства. Поначалу, когда я занялся разделкой туш, я видел перед собой только туши быков, но минуло три года – и я уже не видел их перед собой! Теперь я не смотрю глазами, а полагаюсь на осязание духа, я перестал воспринимать органами чувств и даю претвориться во мне духовному желанию. Вверяясь Небесному порядку, я веду нож через главные сочленения, непроизвольно проникаю во внутренние пустоты, следуя лишь непреложному, и потому никогда не наталкиваюсь на мышцы или сухожилия, не говоря уже о костях... Ведь в сочленениях туши всегда есть промежуток, а лезвие моего ножа не имеет толщины. Когда же не имеющее толщины вводишь в пустоту, ножу всегда найдется предостаточно места, где погулять. Вот почему даже спустя девятнадцать лет мой нож выглядит так, словно он только что сошел с точильного камня. Однако же всякий раз, когда я подхожу к трудному моменту, я вижу, где мне придется нелегко, и собираю воедино мое внимание. Я пристально вглядываюсь в это место, двигаюсь медленно и плавно, веду нож старательно, и вдруг туша распадается, словно ком земли, и рушится на землю.

– Превосходно! – воскликнул царь Вэнь-хой, – я понял, как нужно вскармливать жизнь»¹⁵.

Действительно, на рассказ повара можно отреагировать восхитительными эпитетами, но можно ли понять и усвоить то, что он рассказал? Вряд ли! Повар разъяснял не «обыкновенное мастерство», а мастерство следования Пути, которое не может быть изложено в терминах примитивных технологий, разворачивающих свои действия в строгой последовательности, где мастер строго знает и соблюдает эту последовательность. Мастерство Пути – это мастерство, доведенное до автоматизма, которое осуществляется не глядя и претворяется через «духовное желание», сосредоточенное и сжатое в миг состояние мастера. Это состояние максимального сосредоточения – пристального вглядывания в новое место – дает шанс тому, что «туша распадается, словно ком земли, и рушится на землю».

Феноменология добывающего типа труда способна описывать не только процессы добычи, но и процессы сельскохозяйственного труда и даже ремесленнического. В любом виде деятельности необходимо учитывать время, момент. Конфуцианец Мен-цзы утверждает: «Если не упустить время для Земледелия, то хлеба [будет столько], что нельзя будет съесть все. Если не ставить частые сети в стоячей воде, то рыбы и черепах [будет столько], что их всех нельзя будет съесть. Если вовремя отправляться с топором в горы, [поросшие лесом], и леса [на равнине], то лесного материала будет столько, что его нельзя будет использовать полностью. Когда же хлеба, рыбы и черепах будет в избытке, когда лесного материала будет больше, чем это требуется, – это значит, что народ получит возможность без [каких бы то ни было] огорчений поддерживать свое существование и хоронить умерших. [Возможность] без огорчений поддерживать свое существование и хоронить умерших – и есть начало гуманного правления (ван дао)»¹⁶. Если делать все вовремя, то человеку будет обеспечен достаток, который позволит ему без лишних хлопот не только поддерживать свое существование, но и «хоронить умерших» – посвящать предкам торжественные церемонии.

Земля так же, как дикий зверь, может выступать в активной форме – сопротивляться и не даровать человеку свои плоды; земля может не уродить, не дать тот урожай, на который рассчитывал крестьянин. Погодные условия: засуха или наводнения делают труд и благополучие крестьянина, как и охотника, зависи-

¹³ Там же. – С. 132.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Чжуан-цзы* / Чжуан-цзы. Ле-цзы. – М., 1995. – С. 74-75.

¹⁶ Мэн-цзы / Классическое конфуцианство. Т. 2. – СПб. – М., 2000. – С. 14.

мым от независимых от него обстоятельств. Крестьянину, как и охотнику, необходимо в нужное время сосредоточивать все свои силы, чтобы получить шанс, выпадающий ему раз или два в год. Крестьянин, как и охотник, должен подчинить землю своей воле, при помощи вовремя пойманного момента времени и концентрации своих сил. Только при этих условиях он может рассчитывать на то, что ему удастся отвоевать у природы (земли) необходимое ему благо.

Отвоевать, отнять, похитить у природы то, что ей принадлежит и что сама природа не отдает, – задача добытчика и различное толкование фразы «добыть, чтобы обогатиться» приводит даже к анекдотическим случаям. Случай неправильного понимания слова «похищение» приводится в другой даосской книге Ле-цзы. В ней рассказывается следующее.

«В царстве Ци жил Богач из рода Владеющих, а в царстве Сун – Бедняк из рода Откликающихся. Бедняк пришел из Сун в Ци выпросить секрет [богатства]. Богач сказал: Я овладел [искусством] похищения. С тех пор как я начал похищать, за первый год сумел прокормиться, за второй год добился достатка, за третий год – полного изобилия. И с тех пор раздаю милости в селениях области.

Бедняк очень обрадовался, [но] понял он лишь слово «похищение», а не способ кражи. И тут [он] принялся перелезть через ограды, взламывать ворота и тащить все, что попадалось под руку, что бросалось в глаза. В скором времени, осудив [его] в рабство за кражу, конфисковали имущество, что было у него прежде.

Подумав, что Богач его обманул, Бедняк отправился его упрекать.

– Как же ты грабил? – спросил Богач из рода Владеющих.

И Бедняк из рода Откликающихся рассказал, как было дело.

– Ох! – воскликнул Богач. – Как ошибся ты в способе воровства! Но теперь я тебе [о нем] поведаю.

Я узнал, что небо дает времена года, а земля – прирост. Я и стал грабить у неба погоду, а у земли – прирост; влагу у туч и дождя, недра у гор и равнин, чтобы посеять для себя семена, вырастить себе зерно, возвести себе ограду и построить себе дом. У суши я отбирал диких зверей и птиц, из воды крал рыб и черепах. Разве это мне принадлежало? Все это было [мною] награблено. Ведь семена и зерна, земля и деревья, звери и птицы, рыбы и черепахи порождены природой. Я грабил природу и остался невредим. Но разве при-

родой дарованы золото и нефрит, жемчуг и драгоценности, хлеб и шелк, имущество и товары? Они собраны человеком! Как же упрекать осудивших тебя, если ты украл?

Решив в смятении, что Богач снова его обманул, бедняк отправился к Пржеджерожденному из Восточного Предместья и спросил у него [совета].

Пржеджерожденный из Восточного Предместья ответил:

– Разве не похищено уже само твое тело? Ведь, чтобы создать тебе жизнь и тело, обокрали соединение [сил] жара и холода. Тем более не обойтись без похищения внешних вещей! Небо, земля и тьма вещей воистину неотделимы друг от друга. Тот, кто думает, что ими владеет, – заблуждается. Грабеж рода Владеющих – это общий путь, поэтому [Богач] и остался невредим; твой грабеж – это личное желание, поэтому [ты] и навлек на себя кару. Захват общего и частного такой же грабеж, как и утрата общего и частного. Общее в общем и частное в частном – таково свойство природы [неба и земли]. Разве познавший свойства природы сочтет кого-то вором, а кого-то не вором?!»¹⁷ Бедняк истолковал термин «похищение» применительно к любым вещам, даже к тем, которые принадлежат другим людям, и тем самым совершил преступление, тогда когда «красть», «похищать», «отвоевывать» благо у природы – «это общий путь», то есть законное дело. Выкрасть, похитить, отвоевать – искусство добытчика, в котором требуется чрезмерная сосредоточенность человека в нужное время и в нужном месте, для того чтобы достичь блага. Крестьянский труд разворачивается в том же рваном ритме, что и труд охотника, – в ритме чрезмерного напряжения сил и максимального расслабления (отдыха).

Добывающая сущность трудовой деятельности может проявляться даже в ремесленном труде. Ремесленник, так же как и добытчик, может считать, что его успех зависит не от его профессионального мастерства и свойств объекта его труда, а от умения сосредоточиться в нужное время и в нужном месте, в умении постичь единый принцип успеха в конкретном деле.

В той же даосской книге «Чжуа-цзы» описывается иной сюжет, связанный с технологией ремесленного труда.

Краснодеревщик Цинн вырезал из дерева раму для колоколов. Когда рама была закончена, все изумились

¹⁷ *Ле-цзы / Дао. Гармония мира.* – М. – Харьков, 2000. – С. 46-47.

ее красоте, и правитель Лу спросил краснодеревщика о секрете его искусства. Цинн ответил на вопрос правителя: «Когда ваш слуга задумывает вырезать раму для колоколов, он не смеет попусту тратить свои духовные силы и непременно постится, дабы успокоить сердце. После трех дней поста я избавляюсь от мыслей о почестях и наградах, чинах и жалованье. После пяти дней поста я избавляюсь от мыслей о хвале или хуле, мастерстве и неумении. А после семи дней поста я достигаю такой сосредоточенности духа, что забываю о самом себе. Тогда для меня перестает существовать царский двор. Мое искусство захватывает меня всего, а все, что отвлекает меня, перестает существовать для меня. Только тогда я отправляюсь в лес и вглядываюсь в небесную природу деревьев, стараясь отыскать совершенный материал. Вот тут я вижу воочию в дереве готовую раму и беру ее за работу»¹⁸. Мастер так и не раскрыл «тайну» своего мастерства, может быть, потому, что никакой тайны не было, а была удача, на которую рассчитывал сам ремесленник, сосредоточивая и концентрируя все свои силы только для одного мгновения, в пределах которого «проходит Путь».

Добывающий труд героизирует свою деятельность. Труд – это не просто монотонная неизбежность человеческого существования, труд – это взлет и падения; это успех и провал; это все то, что может поджидать в лесу охотника и на поле сражения воина. Труд – это победа или поражение, но как в первом, так и во втором случае труженик достоин триумфа. В случае победы как победитель, в случае гибели как герой.

На удачах и мгновениях базировалось и политическое искусство. Кроме того, что любой политик должен точно знать, понимать и предугадать волю суверена, он должен уметь воспользоваться шансом. Удача политика сопровождает, когда он приводит себя в должное состояние, чтобы уловить влияние и мощь, скрывающиеся в различных условиях и положениях времени и места, с тем чтобы бросить вызов судьбе с максимумом шансов. Политик должен жить в условиях постоянной сосредоточенности, таковой, что «нельзя терять бдительности даже наедине с самим собой»¹⁹, – советует японский воин Сиба Есимаса.

Такой политике чужда мысль, что править означало идти по течению. Прямо наоборот, искусство добывающей политики – это искушение судьбы, которой

бросался вызов. Было бы непростительной ошибкой неверно оценить представившуюся возможность; было бы преступлением ее упустить; и преступлением не создать в нужный момент условий для ее появления. Ситуация может сложиться таковой, что изменить небольшой предмет – это изменить все; а уловить мельчайший признак перемен – значит воспользоваться возможностью полного переустройства. Политики-добытчики рискуют тронem, рискуют имуществом и рискуют жизнью; они на кон ставят все, и если правильно рассчитали сложившиеся вектора политических сил и вовремя предприняли активные действия, то такого политика ждала удача и успех. Если же результат был прямо противоположным – нищета и забвение, причина одна – политик неправильно выбрал время и место для своей активной атаки.

Знаток древней истории Китая Марсель Гране отмечает, что китайские князья, разрушая авторитет норм обычного права, использовали «...политиков для того, чтобы они оповещали об открывающихся возможностях, и, князья, едва начиная ловить эти возможности, рисковали: они могли как возвысить свою судьбу, так одновременно ее подорвать»²⁰. Такие политики обязательно окружали себя «специалистами» особого рода, которые, как им казалось, способны правильно рассчитать вектора различных сил и правильно уловить момент для нанесения удара в целях достижения триумфа. Так использованные обстоятельства предполагают игру с судьбой, где ставкой является участь самого игрока. Безрассудный риск не только оправдывает бытие человека, но дает ему шанс достичь высших высот своего существования. Даже в китайской даосской прозе XVII в. утверждается: «...человек, который стремится к Дао-Пути, должен быть готов на смертельный риск, иначе бессмертные лишь пожалуют его, но никогда не сделают его своим учеником»²¹.

При таких условиях единственным принципом политиков-добытчиков был сиюминутный интерес в сочетании с пренебрежением традиций и данным словом: прошлое ничем не связывает, следовательно, и договор ничем не связывает, поскольку текущие обстоятельства все изменяют. Изменившимися обстоятельствами оправдываются любые действия политиков, поэтому главная задача политика-добытчика

¹⁸ Чжуан-цзы. Ле-цзы. – М., 1995. – С. 177.

¹⁹ Сиба Есимаса. Тикубасе / Кодекс бусидо / Хакагурэ. Сокрытое в листе. – М., 2008. – С. 287.

²⁰ Гране М. Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы. – М., 2008. – С. 291.

²¹ Путь к заоблачным вратам / Дао. Гармония мира. – М. – Харьков, 2000. – С. 680.

– это ослабить противника, обманув, оклеветав, подставив, то есть сделать из противника лицо, не способное сопротивляться. Противнику можно сделать предложение, от которого он не в силах отказаться, и тем создать себе более благоприятные условия, чтобы в результате его уничтожить. Врагу можно пожертвовать малым, чтобы выиграть все.

Высшим пределом такой формы политического искусства будет создание системы политических альянсов и блокирующих групп, контроль над которыми возможен только в рамках государственной организации.

Охотник, крестьянин, ремесленник и даже политик как добытчики не могут рассчитывать только на свои собственные силы в деле достижения богатства и могущества, им требуется доля везения, о которой пишется и в средневековых арабских источниках. «Ничего не делается, – отмечается в «Льве и Шакале», – без сочетания четырех вещей: знания, умения, труда и везения. Ведь знание не приносит пользы без умения. Умение не обогащает без труда. А труд не дает желаемого результата без везения»²². Обстоятельства могут сложиться как в их пользу, так и против; они могут вдруг выиграть и могут без везения все проиграть. В эту жизнь постоянного риска некий порядок и стабильность способно привнести только государство. «Совершенномудрый, – говорит Шан Ян, – постиг правила неизбежного и твердо знает, что все зависит от времени и обстоятельств. Поэтому меры [предлагаемые им] всегда способствуют установлению порядка в стране...»²³. Конфуций, отмечая то же непостоянство, сиюминутный эгоизм, неоправданный и безрассудный риск, утверждает: «Разве можно служить государю вместе с людьми из простонародья? Пока они не добились успеха по службе, они страшатся, что не добьются его. Когда они добились успеха по службе, они боятся его потерять. А раз они боятся потерять [достигнутое], то они способны на все»²⁴. В сиюминутном мире, в мире, где богатства и почести достигаются по случаю и складываются из благоприятно сложившихся обстоятельств, гарантий того, что богатства и почести закрепятся за индивидом, нет. Поэтому простых людей будет сопровождать постоян-

ный страх их потерять, а такие люди будут «способны на все». Главная рекомендация Конфуция правителю, чтобы суверен допускал до политического управления государством тех, кто не боится утратить ни почести, ни богатства.

Только государству – на деле суверену и его тайному совету – должно принадлежать право знать все «обстоятельства дела», то есть знать ситуации, из которых может родиться могущество, или знать обстоятельства, из которых извлекается благополучие. Государь приобретает абсолютное всеисие, и любой человек – только пыль перед его величием. Но при такой конституционной доктрине – доктрине обстоятельств – если нет реальных сил, «способных противостоять его престижу, то любой удачливый главарь мистической секты может стать ему равным»²⁵.

Государство способно создать порядок, организовать труд и дать гарантию минимального благосостояния. Государство способно подвести добытчика к объекту труда, организовав общественные работы, такие как, например, строительство пирамид, ирригационных систем, культовых зданий, оборонительных сооружений и т. п. Государство способно распределять материальные блага так, чтобы добиться материальной справедливости – удовлетворения своим достатком любой социальной группы.

Конфуцианец Мэн-цзы восхищался правлением Вэнь-вана, который «силами народа построил башню и устроил озеро, и народ радовался этому, называя эту башню чудесной башней, называя это озеро чудесным озером; народ радовался, что у вана есть олени, рыбы и черепахи. Древние государи радовались вместе с народом, потому-то они и могли радоваться»²⁶.

Нет ничего предосудительного в том, что правитель древних цивилизаций полностью распоряжался трудовыми ресурсами. В этом нет не только ничего предосудительного, но этого требовала логика добытчика, та логика, которая желает, чтобы благоприятные условия для его существования и процветания были; она желает одного, чтобы зверь и птицы всегда находились в лесу. Поэтому тот же Мэн-цзы продолжает: «...просвещенный правитель определяет народу [различные] занятия, чтобы тот непременно был в состоянии и служить родителям, и обеспечивать жену и детей, чтобы в урожайный год они

²² Цит. по: *Игнатенко А.А.* Как жить и властвовать. – М., 1994. – С. 106.

²³ *Шан Ян.* Книга правителя области Шан. – М., 1993. – С. 215.

²⁴ *Конфуций.* Лунь-юй. / Классическое конфуцианство Т. 1. – СПб. – М., 2000. – С. 194.

²⁵ *Гране М.* Китайская цивилизация. – М., 2008. – С. 320.

²⁶ *Мэн-цзы.* / Классическое конфуцианство. Т.2. – СПб.-М., 2000. – С. 13.

всегда были сыты, а в неурожайный год могли избежать смерти. После этого [правитель] может побуждать [народ] стремиться к добру, и тогда народ легко последует за ним [по пути добра]»²⁷.

Китайский мудрец Мо-цзы убежден, что даже удовлетворение элементарных потребностей наибольшего числа людей невозможно без активной деятельности государственной власти. Государство, по мнению Мо-цзы, есть машина, единообразные части которой, как по команде, приводятся в движение волей правителя, в целях повышения производительности труда. Государство – это своего рода поливальная машина, которая должна заменить поливальщику поля глиняный кувшин, то есть упростить его труд и повысить производительность труда. И, как видимо, обеспечивается это добросовестностью умелого чиновника. При их помощи у умелого правителя появляются «средства накормить голодных», и он способен «предоставить отдых усталым внутри страны и дать пропитание народу»²⁸. Таким образом, если ремесленнику требуется, чтобы ему не мешали, то добытчику, чтобы создавали условия труда.

Закономерность владения богатством по случаю, в силу обстоятельств Чжуан Чжоу выразил следующей формулой: «То, что дается нам по случаю, задерживается у нас лишь на время, и мы не можем ни привлечь эту вещь, ни удержать ее у себя на веки»²⁹. Поэтому, продолжает древнекитайский мудрец, «чем больше богатства, тем больше тревог»³⁰. Почему? Тревоги связаны с реальной возможностью утраты богатства. Богатству, приобретенному по случаю, не гарантирована защита, и оно может быть украдено, отнято, конфисковано, поэтому чем больше будет богатства, тем больше будут потери, чем больше будет потерь, тем больше будет разочарований. Даосы постоянно рекомендовали не стремиться к богатствам и не расстраиваться из-за их утраты, поскольку «древние называли успехом не обладание колесницей и шапкой знатного вельможи, а всего лишь невозможность добавить что-нибудь к своему счастью»³¹. О том же говорит основатель даосизма Лао-цзы: «Кто многое сберегает, тот

понесет большие потери. Кто много накапливает, тот потерпит большие убытки. Кто знает меру, у того не будет неудачи. Кто знает предел, тот не будет подвергаться опасности. Он может стать долговечным»³².

Человеку нужно не огорчаться от возможных потерь, поскольку могут возникнуть обстоятельства утраты богатства, схожие с обстоятельствами приобретения, – как приобрел, так и утратил. По пути построения цивилизации (государственности), в чем были убеждены даосисты, невозможно создать гарантий защиты богатства. Все меры тщетны. Чжуан Чжоу государство называет не иначе как «большим воров». Он пишет следующее: «Чтобы уберечься от воров, которые взламывают сундуки, шарят в мешках и залезают в комоды, люди обвязывают эти вещи веревками и канатами, навешивают на них замки и засовы. В миру это называется предусмотрительностью. Но если придет большой вор (Государь. – И.Ц.), то он взвалит на себя сундук, подхватит мешок и утащит комод, страшась только, что все эти веревки и замки окажутся недостаточно прочными. И разве то, что прежде называли предусмотрительностью, не окажется на самом деле накоплением богатства для большого вора?»³³ Чжуан Чжой сравнивает государство (суверена) с большим разбойником, захватившим престол, поэтому он крадет «человечность и долг, меры и весы, печати и клейма и пользуется ими с такой выгодой для себя, что его уже ни колесницей, ни шапкой знатного вельможи не приманить, ни топором палача не отпугнуть»³⁴.

Добывающий тип труда на пути строительства цивилизации (государственности) возлагает надежды на государство (суверена) как основного фактора и организатора трудового процесса. Посему государство как создает условия для обогащения, так и создает условия для потерь, то есть оно напрямую становится непосредственным распорядителем материального богатства. Почести и богатства здесь синонимы, и те, кто наиболее приближен к власти (центру), обладает большими возможностями для приобретений и достижения счастья. Трудовая и распределительная функции суверена усиливают центростремительные силы, так что при хорошем правлении «... тот, кто живет рядом – радуется, а тот, кто живет далеко, – [спешит]

²⁷ Там же. – С. 24.

²⁸ Цит. по: Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае. – М., 1999. – С. 35.

²⁹ Чжуан-цзы. / Чжуан-цзы. Ле-цзы. – М., 1995. – С. 158.

³⁰ Там же. – С. 130.

³¹ Там же. – С. 158.

³² Дао дэ цзин. – М., 2007. – С. 39.

³³ Чжуан-цзы. / Чжуан-цзы. Ле-цзы. – М., 1995. – С. 115.

³⁴ Там же. – С. 117.

приехать»³⁵. Но те, кто живет рядом, как обладают большими шансами на удачу, так и в большей степени рискуют утратить все.

Государство приобретает вселенский масштаб, такой, что если мы вслушаемся в текст христианской молитвы бл. Августина и слово Бог в этой молитве заменим на слово Государство, то получим то состояние общественной жизни и те ожидания людей, которые свойственны были людям добывающего типа труда. Бл. Августин в «Монологиях» следующим образом обращается к Богу: «...услышь меня, Бог мой, Господь мой, царь мой, отец мой, причина моя, надежда моя, богатство мое, честь моя, дом мой, родина моя, спасение мое, свет мой, жизнь моя»³⁶. Заменяв Бога на Государство, получим то, что Государство как организующее начало социальной жизни людей перекроет все возможные сферы человеческого существования; оно вберет в себя все самое важное и ценное, то есть станет тем центром, без которого невозможна социальная ориентация человека – невозможен социальный порядок.

Действительно, добывающий труд не создает даже сколь-нибудь определенного фактора распределения и закрепления собственности. Добывающий труд всегда оставляет неопределенность в вопросах владения собственностью.

Китайский легист Шан Ян отмечает неопределенность владений собственности добывающего труда следующим образом: «Когда сто человек гонятся за одним зайцем, они делают это отнюдь не из желания разделить его на сто частей, а лишь потому, что [никто] не установил своих прав [на этого зайца]. [И наоборот], если даже весь рынок будет наводнен продавцами зайцев, то и тогда вор не посмеет украсть зайца, ибо право [собственности] на него уже установлено. Итак, когда право [собственности] еще не установлено, то даже Яо, Шунь, Юй и Тан – все они ринулись бы в погоню за зайцем, но когда это право уже определено, то даже нищий воришка не осмелится посягнуть [на зайца]»³⁷. Объекты добывающего труда не принадлежат никому, и поэтому за одним зайцем могут гнаться даже сто охотников; объекты природы не находятся ни в чьей собственности, и поэтому никто из преследующих зайца не может утверждать, что он гонится за своим зайцем. Но все же, заяц становится собственно-

стью того, кто «установил на него свои права». Собственники зайцев могут наводнить ими рынок, и тогда даже «нищий воришка» не смеет на них посягнуть. Каким же образом добытчик становится собственником?

Единственным основанием присвоения на охоте может быть факт завоевания объекта, факт победы охотника над своим достойным в борьбе за выживание противником – подчинение его воли воле охотника. Из ста охотников за зайцем последний будет принадлежать тому, чей выстрел будет смертельным для зайца.

Собственность приобретается в борьбе и как «законная» добыча должна отражать свою подчиненность собственнику. В упомянутой выше восьмой гексаграмме (Би) китайской «Книги перемен» отражается состояние приближения (победы, завоевания) и отмечается, что подчиненный объект свою форму подчинения выражает в своей свободе приближения (подчинения). На это указывает один из культовых обрядов охоты, сложившихся еще при династии Чжоу. В этом обряде загонщики ставились лишь с трех сторон поля. Четвертая же сторона была открыта, и дичь, которая бежала от охотящегося царя, могла свободно избежать смерти. Таким образом, как считает один из значительных комментаторов Чэн И-чуань, оказывались убитыми лишь те животные, которые шли прямо на охотника, которым «жизнь не была нужна» и они «сами отдавали ее ему»³⁸. Или убитыми (завоеванными) могли стать только те животные, которые открыто противостояли охотнику. Завоевание – это полное подчинение (присоединение) равного и достойного в борьбе за выживание конкурента, это владение по праву сильнейшего, поэтому сущность собственности в форме добычи выражается по формуле: «Я не отдам другому то, что приобретено по закону завоевания (войны)». Право собственности добытой на охоте (в войне) не может быть оспорено правовыми средствами, оно может быть оспорено только тем же, то есть средствами войны. Это в первую очередь касается захвата чужих территорий и человеческих ресурсов. Например, до сих пор у эскимосов не сложились правовые формы закрепления начала и конца брака и любой индивид мужского пола может претендовать на право пользование женщиной, находящейся в браке. Он может претендовать на том основании, что женщина на самом деле не была в полной мере подчинена преды-

³⁵ *Лунь-юй / Классическое конфуцианство. Т. 1.* – СПб. – М., 2000. – С. 164.

³⁶ *Августин. О бессмертии души.* – М., 2004. – С. 202.

³⁷ *Шан Ян. Книга правителя области Шан.* – М., 1993. – С. 238.

³⁸ См.: *Книга перемен / Конфуций. Уроки мудрости.* – М.-Харьков, 1999. – С. 693.

душим мужчиной, то есть в полной мере не осуществлено, то что отражено в восьмой гексаграмме (Би) «Книги перемен».

Фактор полного подчинения (Би) – полного духовного слияния завоеванного с завоевателем – не поддается формализации, следовательно, право владения всегда может быть оспорено, а собственность отчуждена силой. Поэтому завоеватель вынужден концентрировать свои ресурсы на созданий средств защиты добытой в бою собственности, что выступает, в свою очередь, легитимационным основанием, то есть внутренним оправданием необходимости существования власти. Народ убеждают, что без власти их тут же завоюют чужие. К чуждому элементу власть-завоеватель может относиться только с презумпцией захвата ее богатств, то есть как ребенок пытается спрятать самую дорогую игрушку, предполагая, что ее могут украсть, отнять, сломать, так и власть относится к общественным богатствам с предположением, что чужие отнимут у власти последнюю радость-игрушку: народ, ресурсы, территорию и т. п.

Завоеватель владеет собственностью по праву завоевателя, и объект завоевания остается завоеванным, пока завоеватель извлекает те для себя выгоды, ради которых произошло завоевание. Захватчик корабля, на котором он грабит другие корабли, поддерживает его и заботится о нем только настолько, насколько корабль способен справиться с поставленной задачей. Паруса корабля будут заменены только тогда, когда они порвутся; ростр заменен, когда разрушится; обшивка борта корабля обновлена тогда, когда будет пробоина. Завоеванная собственность есть только средство для достижения захватчиком своих целей. Таким средством может выступать не только захваченный корабль, но и завоеванный народ.

Русский историк В.О. Ключевский, подводя черту под размышлением о состоянии неопределенности после Смутного времени и политических колебаниях новой власти, делает вывод: «Сознавая несоразмерность наличных средств с задачами, ставшими на очередь, они (новая власть. – И.Ц.) сначала ищут новых средств в старых домашних национальных источниках, напрягают силы народа, чинят и достраивают или восстанавливают порядок, завещанный отцами и дедами. Но, замечая истощение домашних источников, они хлопотливо бросаются на сторону, привлекают иноземные силы в подмогу изнемогающим своим, а потом впадают в пугливое раздумье, не зашли ли слишком далеко в уклонении от родной старины, нельзя

ли обойтись своими домашними средствами³⁹. Все «домашнее» – это только средство, которое должно справляться со своими задачами; «домашнее» должно быть с хорошими парусами, хорошим ростром и хорошими бортами корабля и тогда, когда осознается, что корабль прохудился, вынуждает власть к его исправлению (реформированию). Опасность, что власть «уклоняются от родной старины», вряд ли имеет под собой хоть какое-то мотивационное значение. Страх утраты любимой игрушки – вот мощный мотивационный импульс деятельности российских властей того времени. Поэтому новая власть проводит реформу и Соборным Уложением 1649 г. заделывает прохудившийся борт корабля. При таких условиях власть никак не может доверять своей собственной игрушке. Доверие будет означать подрыв основ своего существования. Как можно доверять кораблю, когда он есть только средство существования захватчика?

Захваченная вещь как принадлежащая захватчику (охотнику) требует доказательства своей принадлежности собственнику, которое выражается во внешнем ее обозначении (знаке). Вещь, не отмеченная чьим-либо знаком, не принадлежит никому, следовательно, может принадлежать любому. Знак есть доказательство первичности присвоения человеком той или иной вещи.

Значение знака для определения статуса собственника завоевателя отразилось в Русской Правде. В соответствии с древнерусским памятником права, «если кто уничтожит знак собственности на борти (71)» или «если кто срубит знак бортовой межи (72)» или «если кто подрубит дуб со знаменем или межевой (73), то за эти правонарушения Русская Правда определяла штраф 12 гривен. А вот, «если кто подрубит борь, то платить 3 гривны штрафа, а за дерево полгривны(75)» или «если кто выдернет из борти пчел, то платить 3 гривны штрафа... (76)»⁴⁰.

Русская Правда значительно серьезнее наказывает за подмену знака собственности, нежели за причиненный вред собственности. Вполне вероятно, что замена знака означала более серьезное преступление, поскольку если оно и не причиняло вред вещи, то меняло его собственника, и в случае конфликта между двумя

³⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. : В 9 т. Т. 3. – М., 1988, – С. 121.

⁴⁰ Русская Правда. Пространная редакция (по Троицкому 1 списку) / Хачатуров Р.Л. Русская Правда. – Тольятти, 2002. – С. 130

добытчиками чрезвычайно сложно определить истинного собственника добытой вещи.

Русский правовед А.П. Куницын (1793-1840) в работе «Право естественное» пишет: «Знаки употребляются не для большего укрепления права, но для напоминания другим, что вещь принадлежит уже в исключительное владение. Потому всякий знак, способный для сей цели, почитается достаточным»⁴¹. Для русского юриста оказывается недостаточным для владения вещью «физической возможности» и «намерения располагать оною исключительно», поэтому он пишет: «Поколик за владение вещи одним человеком налагает обязанность на прочих не употреблять более оную по своему произволу, то надлежит, чтобы владетель объявил волю свою владеть исключительно. Сие бывает посредством знаков, напоминающих другим, что бесхозная вещь поступила в частное владение»⁴².

Можно сделать вывод, что для добывающего типа труда все то, что не отмечено и не замечено как чужое, может быть присвоено по праву завоевателя. Все то, что вне приватизационных знаков, не принадлежит никому; все то, что не принадлежит никому, может быть присвоено любым. Добывающий труд не знает иной формулы собственности, кроме формулы захватчика; он не знает, что все то, что человек не отметил и не заметил своим трудом, то все это чужое – может принадлежать другому.

Добывающий труд – это преимущественно коллективный труд и принимают на себя обязательства не индивиды, а коллективы: это кланы, племена, семьи. В коллективе складываются внутренние не письменные (негласные) «общественные договоры» по поводу добычи и распределения богатств. Первичная форма коллективной собственности не определяется вкладами частных лиц на основе письменного договора, она определяется внедоговорными обязательствами каждого члена коллектива пользоваться и распоряжаться тем, чем может пользоваться и распоряжаться любой член его группы.

Богатство в добывающем типе труда концентрируется в форме накопления. Накопить и сохранить – главная задача добытчиков, поскольку неизвестно, что будет завтра. Завтра птицы могут улететь, зверь уйти, а реки пересохнуть. Поэтому главная мотивация трудовой деятельности добытчика – не производить и

торговать, а накапливать и сохранять. «Передавать, а не создавать, верить и любить древность, в этом я сравнился с Лао Пэном»⁴³, – утверждал Конфуций.

Полные амбары зерна, полные шкатулки «злата и серебра», полные комнаты домашней утвари и даже полное тело их владельца говорят о его социальном статусе – говорит о том, что он богатый и уважаемый человек. Все это необходимо сохранить и передать по наследству.

Все добытое и произведенное коллективом куда не исчезает, все накапливается и становится «общественным достоянием». Даже тогда, когда бык зажарен и съеден, он не исчез, он «накопился» в желудках съевших быка.

Различия в богатствах между членами одного коллектива в условиях богатства как общественного достояния определяется не тем, что кто-то проявил большую степень прилежания и затратил больше усилий и на том основании имеет право владеть большим богатством, а временным «местопребыванием» человека. Человек в силу обстоятельств временно распоряжается несметными сокровищами: землями, дворцами, золотом, серебром, людьми. Весь накопленный объем коллективного богатства перетекает из рук в руки, совершая своего рода круговорот от бедного к богатому и от богатого к бедному.

Марсель Мосс в своей научной работе по социальной антропологии приводит характерную аргументацию круговорота богатств в обществе. «Представьте себе, – пересказывает М. Мосс текст, – что вы обладаете определенным предметом и дадите мне этот предмет, дадите без установленной платы. Мы не оформляем торговой сделки по этому поводу. Затем я даю этот предмет третьему лицу, которое по истечении некоторого времени решает вернуть нечто в виде платы, он дарит мне какую-то вещь (таонга). Но та таонга, которую он дает мне, есть дух (*хау*) таонги, который я получил от вас и который я дал ему. Необходимо, чтобы я вернул вам таонги, полученные мной за эти таонги (полученные от вас). С моей стороны не будет справедливо держать эти таонги у себя, независимо от того, желательны они или неприятны... Если бы я оставил эту вторую таонгу себе, это могло бы при-

⁴¹ Куницын А.П. Право естественное / Русская философия собственности XVIII XX. – СПб., 1993. – С. 66

⁴² Там же. – С. 65.

⁴³ Конфуций. Лунь-юй / Классическое конфуцианство. Т. 1. – СПб. – М., 2000. – С. 127.

чинить мне большое горе, даже смерть»⁴⁴. Если не обращать внимание на анимистическую терминологию (дух вещи), то из текста явно следует теория и практика круговорота совместно накопленных богатств и третий персонаж в тексте не случайное лицо. Если бы третье лицо не вернуло вещь, то есть не сделало бы ответный подарок, то вопрос об возвращении первичной *таонгина* временно остался бы открытым, но поскольку лицо получило от третьего лица дополнительное приращение богатства, то оно обязано это приращение вернуть в качестве «оплаты» за первую таонгу.

Почему дарение, а не торговля? Дарение – это от чистого сердца, это демонстрация уважения человека и признание его авторитета (достоинства). Это признание того, что он свой, а не чужой. Подаренная вещь никуда не исчезает от дарителя, в отличие от проданной. В торговле, в отличие от дарения, продукт отчуждается от коллективной собственности, он исчезает и «уплывает» на чужбину, поскольку торгуют с чужими («иностранным элементом»). В торговле обмениваются товарами, а не дарят подарки. И первое от второго будет отличаться тем, что в торговле не просто допустимо, а необходимо торговаться, то есть спорить о цене вещи; можно отказаться от заключения конкретной торговой сделки, можно даже при определенных обстоятельствах не выполнить условия торговой сделки, особенно тогда, когда она наносит вред коллективу. При дарении ничего подобного совершить нельзя – нельзя оценивать дар (спорить о его цене) и нельзя отказаться от дара. Таким образом, первичная торговля – это «международная» торговля, внутри же коллектива (среди своих) происходит совместное пользование накопленными богатствами, временная концентрация различных размеров богатств в руках различных людей и обязательный обмен дарами. Подаренное – это общественное достояние коллектива, и даритель вправе рассчитывать на возвращение утраченного (подаренного) и возвращение сторицей, поэтому «даренному коню в зубы не смотрят».

Обмен дарами осуществляется преимущественно в добровольной форме, хотя, в сущности, они строго обязательны, уклонение от них грозит войной частного или государственного масштаба. Отказаться дать, как и отказаться взять тождественно объявлению войны; это значит отказаться от союза и объединения.

Между своими и равными осуществляются, по меткому замечанию М. Мосса, «тотальные поставки агонистического типа»⁴⁵; между своими и равными осуществляется круговорот накопленных богатств, и получатель дара не может отказаться его принять; свои и равные соревнуются в дарах, чтобы получатель получил удовлетворение, что, собственно, и является целью дарения, то есть полное удовлетворение – когда дарующий получает удовольствие от того, что видит счастливого лица получателя.

Для дарителя вещь не потеряна, она вернется, причем вернется с прибавкой. Человек обязан добровольно дарить, скупость же прерывает круг права достоинств вещей, прерывает технологию извлечения «прибавочной стоимости».

«Каждый должен сделать свои дни плодотворными, раздавая пищу», – гласит стих «Махабхараты»⁴⁶, поскольку секрет удачи и счастья в том, чтобы давать, не хранить блага, но раздавать, чтобы они вернулись сами по себе в той же форме, в которой было сделано благо.

Большой кругооборот дарами (по аналогии с «Большой колесницей») – это кругооборот между людьми и богами. Жертвенные дары богам осуществляются людьми в расчете на ответные дары богов в форме удачи на охоте, благоприятных погодных условий, хорошего здоровья и других благ. Малый (человеческий) кругооборот дарами – это кругооборот между правителем и подданными, когда оба участника человеческого кругооборота дарами (материальными благами) рассчитывают на взаимное признание даров. Справедливым условием обмена благами между правителем и его подданными может осуществиться только в форме дара.

В буддийском тексте «Махасудассана-суттанта» отмечен следующий эпизод обмена благами между царем и простым людом.

В ответ на добро «брахманы и простой люд, собрав свои богатства в большом количестве, подступили к царю Махасудассане и так говорили: «Это богатство, о повелитель, мы принесли сюда, чтобы оно послужило царю царей. Просим, прими его у нас».

«У меня достаточно богатств, друзья мои, собранных непосредственно мной за счет справедливого на-

⁴⁴ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. – М., 1996. – С. 97-98.

⁴⁵ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. – М., 1996. – С. 91.

⁴⁶ Цит. по: Мосс М. Общество. Обмен. Личность. – М., 1996. – С. 187.

логообложения. Возьмите ваши дары и оставьте их при себе».

Получив отказ царя Махасудассаны принять их дары, люди, отойдя в сторону, собрались вместе и решили так: «Это было бы неприличным, если бы мы сейчас забрали обратно наши сбережения. Построим же дворец для царя Махасудассаны».

Тогда они вновь подступили к царю Махасудассаны и сказали: «Мы построим дворец для тебя, о повелитель».

И царь Махасудассана молчанием дал свое согласие»⁴⁷.

Как общество добровольно обязано оказывать внимание хорошему правителю своими дарами, так и царь обязан принять эти дары, тем демонстрируя свою готовность одаривать своих подданных ответными дарами.

В обществах дарителей дар всегда будет выступать условием сохранения и накопления коллективного богатства, что равноценно накоплению богатства частных лиц, то есть не богатства частных лиц составляют совокупное общественное богатство, а «совокупное» общественное богатство составляет богатство частных лиц, поэтому не только в древних обществах, но и сегодня обмен дарами, взятками, услугами «остаётся встроенным в рациональные отношения обмена», и те, кто живет в обществах, зараженных коррупцией, хорошо знают, что «обмен подарками может стать основой достаточно рациональных экономических отношений»⁴⁸ – не подаришь, не поедешь.

Библиография:

1. Августин. О бессмертии души. – М., 2004.
2. Гране М. Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы. – М., 2008.
3. Дао дэ цзин. – М., 2007.
4. Игнатенко А.А. Как жить и властвовать. – М., 1994
5. Ключевский В.О. Курс русской истории / Соч. : В 9 т. Т. 3. – М., 1988.
6. Книга перемен / Конфуций. Уроки мудрости. – М.-Харьков, 1999.
7. Конфуций. Лунь-юй / Конфуций. Уроки мудрости. – М. – Харьков, 1999.
8. Ле-цзы / Дао. Гармония мира. – М. – Харьков, 2000.
9. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. – М., 1996.
10. Мэн-цзы / Классическое конфуцианство. Т. 2. – СПб. – М., 2000.
11. Платон. Государство / Соч.: В 4 т. Т. 4. – М., 1994.
12. Русская Правда. Пространная редакция (по Троицкому 1 списку) / Хачатуров Р.Л. Русская Правда. – Тольятти, 2002.
13. Сиба Есимаса. Тикубасе / Кодекс бусидо / Хакагурэ. Сокрытое в листве. – М., 2008.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994.
15. Царьков И. И. Двавзгляда на систему «наград и наказаний» (из истории политических и правовых учений) // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева №75, 2011.
16. Чжуан-цзы / Чжуан-цзы. Ле-цзы. – М., 1995.
17. Шан Ян. Книга правителя области Шан. – М., 1993.
18. Ямамото Цунэтомо. Сокрытое в листве / Кодекс бусидо. Хакагурэ. Сокрытое в листве. – М., 2008.

References (transliteration):

1. Avgustin. O bessmertii dushi. – M., 2004.
2. Grane M. Kitayskaya mysl' ot Konfutsiya do Laotszy. – M., 2008.
3. Dao de tszin. – M., 2007.
4. Ignatenko A.A. Kak zhit' i vlastvovat'. – M., 1994
5. Klyuchevskiy V.O. Kurs russkoy istorii / Soch. : V 9 t. T. 3. – M., 1988.
6. Kniga peremen / Konfutsiy. Uroki mudrosti. – M.-Khar'kov, 1999.
7. Konfutsiy. Lun'-yuy / Konfutsiy. Uroki mudrosti. – M. – Khar'kov, 1999.
8. Le-tszy / Dao. Garmoniya mira. – M. – Khar'kov, 2000.
9. Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'. – M., 1996.
10. Men-tszy / Klassicheskoe konfutsianstvo. T. 2. – SPb. – M., 2000.
11. Platon. Gosudarstvo / Soch.: V 4 t. T. 4. – M., 1994.
12. Russkaya Pravda. Prostrannaya redaktsiya (po

⁴⁷ Махасудассана-суттанта / Шомахмадов С.Х. Учения о царской власти: теории имперского правления в буддизме. – СПб., 2007. – С. 225.

⁴⁸ Марков Б.В. Знаки бытия. – СПб., 2001. – С. 371.

Политика и общество 1 (97) • 2013

- Troitskomu 1 spisku) / Khachaturov R.L. Russkaya Pravda. – Tol'yatti, 2002.
13. Siba Esimasa. Tikubase / Kodeks busido / Khakagure. Sokrytoe v listve. – M., 2008.
14. Fromm E. AnATOMIYA chelovecheskoy destruktivnosti. – M., 1994.
15. Tsar'kov I. I. Dvavzglyada na sistemu «nagrad i nakazaniy» (iz istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy) // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N.Tatishcheva №75, 2011.
16. Chzhuan-tszy / Chzhuan-tszy. Le-tszy. – M., 1995.
17. Shan Yan. Kniga pravitelya oblasti Shan. – M., 1993.
18. Yamamoto Tsunetomo. Sokrytoe v listve / Kodeks busido. Khakagure. Sokrytoe v listve. – M., 2008.